

*Янковская С.А.
Гродненский государственный университет
им. Я. Купалы, Гродно*

**ОБРАЗОВАНИЕ ЛОКАТИВНЫХ СУБСТАНТИВОВ
С ЧСЗ 'ТАМ, ГДЕ ЖИВЕТ ...' В РУССКИХ
НАРОДНЫХ ГОВОРАХ**

Образование *potîna locî* с частным словообразовательным значением (ЧСЗ) *'там, где живет тот, кто назван производящей основой'* в диалектах характеризуется рядом специфических черт. Зачастую в русских народных говорах отмечается тенденция к большей детализации в представлении локативной семантики единиц данной

группы. Это приводит к тому, что частные значения одной производной единицы расщепляются, и это отражается в возникновении таких *poti*na loci, которые отсутствуют в литературном языке. Так, например, и в СРЛЯ, и в русских народных говорах **овчарник** – ‘Хлев, загон для овец’. В литературном языке данный локатив не дифференцирует гипосемы *самка, самец, детеныш (овца, баран, ягненок)*, и данные гипосемы объединены в локатив одной гиперсемой **овца**. В русских народных говорах отдельные гипосемы находят реализацию в языке: *забегушка* ‘Хлев для ягнят’. Ордын. Новосиб., 1966 [2, т. 9, с. 249]. Гипосема *детеныш животного (ягненок)* вычленилась из гиперсемы, и это выразилось в появлении специфического для литературного языка диалектного локатива.

В ряде случаев тенденция к большей детализации в представлении локативной семантики в говорах не приводит к возникновению специфического для литературного языка производного локатива. Так, например, в СРЛЯ **гусятник** – ‘Помещение для гусей’ (1-ое знач.) [1, т. 4, с. 478]. В данном случае локативность реализуется только в одном значении. Диалектное *гусятник* реализует несколько сем локативности, сравните: 2. *гусятник* 1. ‘Помещение, хлев для гусей’. Смол., Пск., Липец. Ворон. 2. ‘Большая продолговатая корзинка, в которой возят гусей; лубяная корзинка для рыбы’. Осташк. Калинин., 1946 [2, т. 7, с. 248-249].

Некоторые субстантивы, образованные от названий животных и представляющие ЧСЗ ‘там, где живет тот, кто назван производящей основой’ в литературном языке, не являются *poti*na loci в русских народных говорах. Так, например, в литературном языке **коровник** – ‘Помещение, хлев для крупного рогатого скота’ (1-ое знач.) [1, т. 8, с. 475]. В русских народных говорах производный субстантив *коровник* не реализует локативную семантику ни в одном из своих частных значений [2, т. 14, с. 353-354].

В диалектах в составе известных лексем некоторые аффиксы субстантивов реализуют иное, отличное от СРЛЯ значение. Так, например, суффикс **-ниц(а)** в производных литературного языка **коровница, собачница** выражает значение лица женского пола: **коровница** – ‘Женск. к коровник (во 2 знач.)’ [1, т. 8, с. 475]; **собачница** – *разг.* ‘Женск. к собачник’ (в 1-3-м знач.) [3, т. 14, с. 13]; **собачник**: 1. ‘Лицо, занимающееся ловлей или скупкой собак для выделки меха или для продажи’. 2. *разг.* ‘Любитель собак’ // ‘Любитель псовой охоты; псовый охотник’. 3. ‘Лицо, занятое уходом за охотничьими собаками, управляющее во время охоты сворой собак; псарь (в 1-м знач.)’ [3, т. 14, с. 12]. В диалектном словообразовании

суффикс **-ниц(а)** в идентичных по словообразовательной структуре единицах является средством выражения значения локативности:

1. *коровница*: 1. 'Зимний загон для коров'. Моск., 1968.
2. 'Подойник'. Чердын. Перм., 1930. 3. 'Изба по-черному, в которой в зимние морозы содержится скот'. Семен. Горьк., 1950 [2, т. 14, с. 354];
собачница: 'Собачья конура'. Алап. Свердл., 1987 (1-ое знач.) [2, т. 39, с. 152].

В ходе исследования обнаружены такие диалектные локативные имена существительные данного ЧСЗ, которые отсутствуют в СРЛЯ. Так, например, в Словообразовательном словаре А.Н. Тихонова словообразовательное гнездо номинации **корова** включает только одну словообразовательную пару, компонентом которой является локатив: **корова – коров-ник** [4, т. 1, с. 477]. В Словаре русских народных говоров отмечен неизвестный СРЛЯ локатив *коровня* – 'Хлев для коров, коровник'. Новосиб., 1964-1965. Курск. [2, т. 14, с. 354]. Однако суффикс **-н(я)** нельзя считать обязательным и закономерным показателем значения локативности в говорах. Так, например в производной номинации *собачня* (диалектн.) реализуется иное значение морфемы – значение собирательности: *собачня* – собир. 'Свора собак'. Курск., 1857. Урал. [2, т. 39, с. 152].

В русских народных говорах в целом ряде случаев отмечаются такие производные локативные существительные, в которых отсутствуют мотивационные связи между производным локативом и производящей единицей, сравните: *вьшаник* – 'Овчарник'. Твер., 1897 [2, т. 6, с. 58]. В результате появляются производные локативы, не являющиеся компонентами словообразовательного гнезда производящей единицы **овца**, но образующие единое лексическое гнездо. Так, например, в Словообразовательном словаре А.Н. Тихонова номинация **овца** послужила производной единицей для образования двух локативных субстантивов: **овчарник** и **овчарня** [4, т. 1, с. 690]. Словарь русских народных говоров дает более дифференцированную систему производных единиц с ЧСЗ '*там, где живет тот, кто назван производящей основой*' за счет локативов с имплицитно выраженными мотивационными связями с указанной исходной единицей. Ср.:

1. *кошара*: 'Загон для овец; овчарня'. Дон., Брян., Курск. Ворон. Саратов., Краснодар., Ставроп., Кубан., Рост., Самар., Южн., Твер., Краснояр., Иркут. Тул., Даль. (3-ье знач.) [2, т. 15, с. 138-139];
кошарник – 'Овчарник' [2, т. 15, с. 139];
кошарня – 'Овчарня'. Куйбыш. [2, т. 15, с. 139].

Идентичные по словообразовательной структуре единицы литературного языка и русских народных говоров могут различаться

своей семантикой. Связь производной единицы с производящей сохраняется только в СРЛЯ, хотя значение локативности имеет место и в СРЛЯ, и в русских народных говорах. Так, например, в литературном языке **голубятня** – ‘Помещение для домашних **голубей**, обычно устраиваемое на крыше, на чердаке дома’ (1-ое знач.) [1, т. 4, с. 264]. В говорах же субстантив *голубятня* также является локативом, однако значение диалектной единицы не связано со значением места обитания, расположения в пространстве данного вида птиц. Сравните: *голубятня* – ‘Маленький коридорчик, отделяющий кухню от коридора в рабочем бараке’. Моск. [2, т. 6, с. 343]. Таким образом, производная единица *голубятня* в диалектах является локативом, но не принадлежит к группе *potina loci* с ЧСЗ ‘там, где живет тот, кто назван производящей основой’.

В СРЛЯ не все названия животных и птиц могут послужить производящими единицами для образования *potina loci* исследуемого ЧСЗ, сравните: **воробей** – Ø, **ворона** – Ø, **заяц** – Ø. В территориальных диалектах для данных единиц могут быть зафиксированы соответствующие производные единицы, однако они не реализуют локативную семантику: *зайчатник* – ‘Орел, который охотится на зайцев’. Пск., Осташк. Твер., Кубан. [2, т. 10, с. 109].

Таким образом, группа диалектных локативных существительных с ЧСЗ ‘там, где живет тот, кто назван производящей основой’ характеризуется рядом черт: тенденцией к большей детализации в представлении локативной семантики, реализацией некоторыми аффиксами иного, отличного от литературного языка значения в составе известных лексем, наличием локативных имен существительных, которые отсутствуют в СРЛЯ и др.

Литература

1. Большой академический словарь русского языка; гл. ред. К.С. Горбачевич, А.С. Герд. – М., СПб.: Наука, 2004-2011. – Т. 1-19.
2. Словарь русских народных говоров. – М., СПб.: Изд-во Академии наук СССР; Институт лингв. исследований РАН, 1965-2013 – Вып. 1-45.
3. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. – М.: Изд-во Академии наук СССР; Ин-т русского языка, 1950-1965. – Т. 1-17.
4. Тихонов, А.Н. Словообразовательный словарь: в 2 т. / А.Н. Тихонов. – М.: Русский язык, 1985. – Т. 1-2.